

После встречи с парой отца и дочери Лян в доме Юй Цинши на выходных Цзян Сяомань больше не приходила играть с Юй Цинши.

Когда мальчик подошёл к ней, чтобы спросить, она сказала, что ей грустно и нужно побыть одной.

— Не грусти, — сказал Юй Цинши. — Разве я не помогал тебе ругать их, пока они не ушли? Мой папа сказал, что в будущем никогда больше не позволит им приходить к нам домой.

Он подумал, что Цзян Сяомань боялась, что она снова встретит Лян Юаньцина и его дочь.

Девочка покачала головой и горестно сказала:

— Ты ещё молод, тебе не понять моего горя.

В этот момент Юй Цинши почувствовал желание развернуться и уйти. Цзян Сяомань всегда умела говорить очень раздражающе, при этом делая невинное лицо.

Но она была его хорошей подругой, поэтому он сдержал это желание.

Юй Цинши продолжал утешать её:

— Я помогу тебе, если ты столкнёшься с чем-то подобным в будущем, так что никто тебя не обидит.

Цзян Сяомань всё ещё качала головой. Она вытерла лицо, ей было очень грустно, но плакать не хотелось.

Она просто хотела иметь хорошего отца.

Дядя Юй был очень хорошим, но он был отцом Юй Цинши. Если бы она забрала его, то стала бы плохим человеком. Юй Цинши и так был очень жалок, а его отец был единственным, что у него было. Она не могла забрать дядю Юй.

Цзян Сяомань не могла найти отца, поэтому она не хотела идти к нему домой. Поскольку дядя Юй был так добр, она боялась, что не сможет сдержаться.

Цзян Сяомань тихо вздохнула, её лицо было лишено жизни. Когда она уходила, силуэт её спины словно говорил: «Мне нужно немного побыть в тишине».

Юй Цинши часто даже не понимал, о чём она думала, поэтому, естественно, он тоже не мог

понять её дилемму. Но у его хорошей подруги было плохое настроение, поэтому он старался сделать всё, чтобы она снова стала счастливой.

Просто Юй Цинши был ребёнком, который не умел говорить и не знал, как утешить других. Он не был похож на Цзян Сяомань, которая всегда говорила удивительные вещи и не останавливалась, пока не достигала своей цели.

Подумав об этом, казалось, что только Мяомяо могла решить эту трудность.

В конце концов, Сяомань всегда нравилась его кошка. Мяомяо должна быть в состоянии привлечь её внимание, верно? Хотя ему было немного грустно от того, что он не так хорош, как Мяомяо, это не имело значения, пока она была счастлива. Он был готов использовать свою кошку, чтобы уговорить её.

Через несколько дней мальчик принёс ей фотографию Мяомяо.

Юй Цинши сказал:

— Мяомяо была стерилизована. В последнее время у неё пропал аппетит, и она съедает только полбанки кошачьего корма. Обычно Мяомяо съедала одну банку за другой, словно её желудок был бездонной дырой. Посмотри на её голову. Мой папа сказал, что ей нужно надеть конус, чтобы она не зализывала свои раны.

Мяомяо на фотографии носила на шее маленький конус. Её шерсть была оранжевого цвета, и она постоянно дремала. Её голова была похожа на маленький оранжевый клубок меха, и на первый взгляд она напоминала цветущий подсолнух.

Голова Мяомяо была опущена вниз. Её лицо было несчастным, и казалось, что жизнь больше не имела смысла.

Как мило!

Мяомяо, как она могла быть такой милой!

Как можно быть такой милой кошкой!

Цзян Сяомань не могла не улыбнуться и сказала:

— Мяомяо становится всё толще и толще.

— Ну, теперь я люблю брать её на прогулку после еды, — Юй Цинши говорил, пока железо

было горячо. Поколебавшись, он сказал: — Мяомяо, кажется, скучает по тебе, не хочешь ли прийти ко мне домой?

Цзян Сяомань была немного искушена. В конце концов, она ещё не играла с Мяомяо с конусом.

Но...

Поколебавшись некоторое время, Цзян Сяомань сказала:

— Нет, я могу просто надеть Аромату конус, когда приду домой. Уверена, с ним он тоже будет милым.

Она никогда раньше не думала о том, чтобы наряжать Аромата. Сейчас же перед ней словно открылся новый мир. Если бы Аромат тоже мог быть таким милым, он бы ей определённо понравился ещё больше.

— ...Это невозможно, — Юй Цинши не согласился, не подумав. В конце концов, они были двух разных видов и выглядели совершенно по-разному. Тело Аромата было настолько круглым, что конус даже не поместился бы.

Мяомяо уже использовала самый большой конус, но он всё равно был очень тесным. Юй Цинши не мог представить, какой конус можно использовать для Аромата.

Он продолжал искренне приглашать её:

— Если ты хочешь надеть конус на Аромата, у меня дома есть несколько других, которые я могу тебе одолжить.

— Ничего страшного, я сделаю его сама, — сказала Цзян Сяомань. — Конус похож на бабушкину соломенную шляпу.

Она не зря училась рукоделию.

Приглашая её несколько раз безрезультатно, Юй Цинши мог только беспомощно вздыхать.

Подумав немного, он искренне сказал:

— Просто приходи ко мне домой и возьми его, иначе тебя могут отшлепать. Или я могу принести тебе его завтра.

Цзян Сяомань положила руки на бёдра и фыркнула. Она самодовольно сказала:

— Не может быть, бабушка действительно любит меня, не то что папа. Пока я не буду капризничать, она не будет меня шлёпать. Бабушка сказала, что будет шлёпать меня не чаще одного раза в день. Если детей шлёпать слишком часто, они сломаются.

— Ну, хорошо, — Юй Цинши не стал её заставлять.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47684/1892349>